

Проблема реализации принципа равноправия и самоопределения народов и верховенство права в международных отношениях

Цимбривский Т.С.*

Статья посвящена актуальным проблемам реализации принципа равноправия и самоопределения народов в международном праве. В данном контексте отмечается, что данный принцип принадлежит к одним из наиболее противоречивых принципов международного права и потому на практике реализация этого принципа не редко нуждается в четкой правовом регулировании. В статье рассматриваются как современные доктринальные разработки принципа равноправия и самоопределения народов, так и практика международного права. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что сегодня происходит постепенная институционализация международно-правовых критериев сецессии, которые легитимизируют выход административно-территориальных единиц из состава государственной территории.

Ключевые слова: принцип равноправия и самоопределения народов; государственная территория; система принципов международно-го права.

Система современных международных отношений находится в состоянии динамического развития, которая учитывая существующие угрозы и вызовы существующему мировому правопорядку, стоит на пороге больших институционных изменений. Сегодня наблюдается активная борьба за лидерство в мировом и региональном масштабе, а также стремительный рост проявлений применения силы. При таких условиях особое значение приобретает международное право, в частности, его основные принципы и нормы, соблюдение которых создаст предпосылки для построения новой модели международного правопорядка.

Функционирование системы международного права происходит в рамках и направлениях, определенных нормами права. Доктрина международного права определяет этот процесс с помощью понятия

---

* Цимбривский Тарас Степанович – к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Львовского государственного университета внутренних дел (Украина). tsymbr@gmail.com.

«механизм международно-правового регулирования», который, по определению И.И. Лукашука, представляет совокупность международно-правовых средств и методов влияния на международные отношения¹. Важной составляющей механизма международно-правового регулирования выступают основные принципы международного права, в частности, принцип равноправия и самоопределения народов.

Зарождение принципа равноправия и самоопределения народов в системе основных принципов международного права – это закономерный результат борьбы за утверждение общечеловеческих ценностей как выражения основных прав и свобод человека. Масштабная кодификация данного принципа на универсальном и региональном уровнях международно-правового регулирования обеспечила ему статус основного принципа международного права.

В то же время, принцип равноправия и самоопределения народов представляет один из наиболее сложных и противоречивых принципов международного права. Суть проблемы главным образом просматривается в двух разрезах.

Во-первых, отсутствие в науке и практике международного права общепринятого понимания нормативных предписаний, предусмотренных юридическим содержанием данного принципа, в том числе и субъекта самоопределения.

Во-вторых, отсутствие механизма реализации принципа равноправия и самоопределения народов, а также международно-правовых критериев, в соответствии с которыми допускается реализация данного принципа.

Вместе с тем, следует заметить, что рассмотренные аспекты отмеченной проблемы порождают комплекс производных вопросов правового характера. В данном контексте внимание заслуживает в первую очередь, необходимость соблюдения других основных принципов международного права, в частности принципа территориальной целостности. Очевидно, что в данном случае эта проблема углубляется за счет дихотомии между человеком, в понимании индивид-государство, и государством, которое составляет совокупность индивидов². Кроме того, сегодня принцип равноправия и самоопределения народов

---

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – Изд. 3-е, перераб., и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – с. 203-204.

² Оніщенко Н.М. Юридична відповідальність держави перед особою // Проблеми реалізації прав і свобод людини і громадянина в Україні. За ред. Н.М. Оніщенко, О.В. Зайчука. – К.: Юридична думка, 2007. – с. 90-123; Brietzke P. Self-determination

не отображает те позитивные изменения, которые происходят в международных отношениях. Это касается тенденций необратимого характера как вот переход к многополярной модели международного правопорядка, планомерного отказа от идеи абсолютного суверенитета государств и т.п. Совокупность всех этих факторов объективно создает необходимость для научных поисков в данном направлении, а также общей академической дискуссии.

На современном этапе развития международных отношений применение принципа равноправия и самоопределения народов происходит в новых исторических условиях, отличающихся от тех в которых формировался этот принцип. Несмотря на то, что исторически принцип функционально привязывался к процессу деколонизации, которая сегодня фактически является анахронизмом, данный принцип вышел за эти рамки и интегрировался в современный механизм международно-правового регулирования.

Фундаментальное значение принципа равноправия и самоопределения народов проявляется в качестве разновидности коллективных прав народов. В соответствии с распространенной в науке международного права позицией, которая в то же время является в известной степени условной, принцип равноправия и самоопределение народов предусматривает две основных формы самоопределения:

а) *внутренняя форма самоопределения*³ (например, автономия) происходит в пределах существующих границ государства и не отражается на целостности государственной территории;

б) *внешняя форма самоопределения*⁴ допускает право на сепессию (например, создание независимого государства или объединение с другим государством), что, в свою очередь, сопровождается территориальными изменениями.

---

or jurisprudential confusion: exacerbating political conflict // Wisconsin International Law Journal. – 1995-1996. – Vol. 14. – p. 88.

³ Grant T. Extending decolonization: how the United Nations might have addressed Kosovo // Georgia Journal of International and Comparative Law. – 1999-2000. – Vol. 28. – p. 10; Greene M., Stoll C. Self-determination as a foreign policy principle: United States policy toward former Soviet Union // Harvard Human Rights Journal. – 1992. – Vol. 5. – p. 163-164; Rich R. Recognition of states: The collapse of Yugoslavia and Soviet Union // European Journal of International Law. – 1993. – Vol. 4. – p. 47.

⁴ Международное право. Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М.: Омега-Л, 2006. – с. 73; Brietzke P. Self-determination or jurisprudential confusion: exacerbating political conflict // Wisconsin International Law Journal. – 1995-1996. – Vol. 14. – p. 122-123; Pienkos J. Prawo międzynarodowe publiczne. – Zakamycze, 2004. – s. 73.

Внутренняя и внешняя формы самоопределения обеспечивают систему правовых гарантий относительно самоорганизации народов, в части создания их национальной идентичности, автономии в культурной, религиозной, экономической сферах, политической независимости. С другой стороны, принцип равноправия и самоопределения народов не редко скрыто используется в качестве инструмента для сепаратизма, который не имеет ничего общего с рассмотренными выше формами реализации самоопределения.

Существующие пробелы международного права в сфере правовой регламентации ситуаций, связанных с реализацией принципа самоопределения, создают проблемы практического и теоретического характера во время их юридической квалификации. Одна из доминирующих позиций ученых заключается в том, что современное международное право не признает универсального права на сецессию⁵.

Другая группа ученых исходит с того, что нормы международного права не предусматривают и не запрещают право на сецессию⁶. На фоне подобных противоречивых суждений не выделяется позитивное международное право, которое не дает четкую правовую оценку понятию «сецессия». В одних случаях сецессия прямо закреплена в текстах резолюций ООН (Декларация о принципах международного права, которые касаются дружеских отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН в 1970 г.), а в других – сецессия презюмируется (Заключительный Хельсинский акт 1975 г., Устав ООН в 1945 г.). Следовательно, бесперспективность поиска консолидированной точки зрения по этому поводу привела к принятию либерального взгляда на сецессию. Отдельные представители

---

⁵ Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – СПб: Юридический центр пресс, 2005. – с. 397; Brilmayer L. Secession and self-determination: a territorial interpretation // *Yale Journal of International Law*. – 1991. – Vol. 16. – p. 183; Cassese A. *International Law*. Second Edition. Oxford University Press, 2005. – p. 68; Eastwood L. Secession: state practice and international law after the dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia // *Duke Journal of Comparative and International Law*. – 1992-1993. – Vol. 3. – p. 315; Ewald G. The kurd's right to secede under international law: self-determination prevails over political manipulation // *Denver Journal of International Law and Policy*. – 1993-1994. – Vol. 22. – p. 381; Rich R. Recognition of states: The collapse of Yugoslavia and Soviet Union // *European Journal of International Law*. – 1993. – Vol. 4. – p. 48.

⁶ Antonopoulos C. The principle of *uti possidetis* in contemporary international law // *Revue Hellenique de droit International*. – 1996. – Vol. 49. – p. 74; Nanda V. Self-determination and secession under international law // *Denver Journal of International Law and Policy*. – 2003. – Vol. 29. – p. 305.

доктрины международного права рассматривают возможность реализации сепарации как внешней формы принципа равноправия и самоопределения народов в случаях *отказа в обеспечении представительства народа в органах государственной власти*⁷, *аннексии территории*⁸, *закрепления сепарации на законодательном уровне*⁹, *взаимного согласия сторон*¹⁰. Подобные доктринальные разработки не только актуализируют необходимость последующей международно-правовой разработки вопроса сепарации, но и планомерно утверждаются в практике международного права.

В консультативном решении Верховного суда Канады по делу провинции Квебек в 1997 г. отображена позиция, которая заключается в том, что реализация принципа равноправия и самоопределения народов допускается лишь в пределах принципа территориальной целостности государств. В целом, не отрицая право народов на сепарацию, суд постановил, что взаимное согласие сторон, отказ в обеспечении представительства народа в органах государственной власти, деколонизация могут выступать как исключительные обстоятельства во время реализации сепарации¹¹.

Похожий подход получил подтверждение в судебной практике Российской Федерации. Решение Конституционного суда Российской Федерации по делу Республики Татарстана в 1992 г. подтверждает, что на практике принцип равноправия и самоопределения народов реализуется в субординации к принципу территориальной целостности.

---

⁷ Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2001. – с. 66; Черниченко С.В. Теория международного права. Том II. Старые и новые теоретические проблемы. – М.: НИМП, 1999. – с. 183, 189; Cassese A. International Law. Second Edition. Oxford University Press, 2005. –p. 68.

⁸ MacMillan K. Secession Perspectives and the Independence of Quebec // Tulane Journal of International and Comparative Law. – 1999. – Vol. 7. – p. 335; McGee R. The theory of secession and emerging democracies // Stanford Journal of International Law. – 1991-1992. – Vol. 28. – p. 461-462.

⁹ Международное право. Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М.: Омега-Л, 2006. – с. 73.

¹⁰ Grant T. Extending decolonization: how the United Nations might have addressed Kosovo // Georgia Journal of International and Comparative Law. – 1999-2000. – Vol. 28. – p. 10, 25-26; Grant T. A panel of experts on Chechnya: purposes and prospects in light of international law // Virginia Journal of International Law. – 1999-2000. – Vol. 40. – p. 148.

¹¹ MacMillan K. Secession Perspectives and the Independence of Quebec // Tulane Journal of International and Comparative Law. – 1999. – Vol. 7. – p. 361; Rich R. Recognition of states: The collapse of Yugoslavia and Soviet Union // European Journal of International Law. – 1993. – Vol. 4. – p. 44-45, 47.

Впрочем, в отличие от рассмотренного выше решения Верховного Суда Канады, Конституционный Суд Российской Федерации видит легитимный характер сецессии исключительно из позиций достижения взаимного согласия между субъектом сецессии и федеральным правительством.

В таких случаях, как распад СССР в качестве обоснования выхода республик из его состава использован критерий взаимного согласия сторон. В пользу подобного утверждения свидетельствует международно-правовое признание новообразованных республик со стороны Европейского Союза и США лишь после достижения соответствующих договоренностей по этому поводу между этими республиками и прежним Советским Союзом¹². Кроме этого, внимания заслуживают другие примеры сецессии, которые основывались на взаимном согласии сторон (выход Эритреи из состава Эфиопии в 1991 г.¹³, распад бывшей Чехословакии¹⁴).

Распад бывшей Союзной Федеральной республики Югославия состоялся главным образом благодаря законодательному закреплению права субъектов федерации на сецессию¹⁵. В условиях отсутствия механизма реализации сецессии во внутригосударственном праве прежней Югославии решающую роль в обеспечении международно-правового статуса новых республик сыграло их признание со стороны международного содружества. При этом практика международного права впервые пошла путем создания международно-правовых механизмов *ad hoc* (созыв конференции, формирования арбитражной комиссии Бадинтера¹⁶ с целью установления факта правомерности сецессии республик, которые входили в состав бывшей Югославии).

Разработка и применение международным содружеством рассмотренных механизмов реализации принципа равноправия и самоопределения

---

¹² Eastwood L. Secession: state practice and international law after the dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia // *Duke Journal of Comparative and International Law*. – 1992-1993. – Vol. 3. – p. 321; Himmer S. The achievement of independence in the baltic states and its justifications // *Emory International Law Review*. – 1992. – Vol. 6. – p. 253; MacMillan K. Secession Perspectives and the Independence of Quebec // *Tulane Journal of International and Comparative Law*. – 1999. – Vol. 7. – p. 341.

¹³ Lloyd D. Succession, secession and state membership in the United Nations // *New York University Journal of International Law and Politics*. – 1993-1994. – Vol. 26. – p. 792.

¹⁴ Antonopoulos C. The principle of *uti possidetis* in contemporary international law // *Revue Hellenique de droit International*. – 1996. – Vol. 49. – p. 74.

¹⁵ Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2001. – с. 66.

¹⁶ Orentlicher D. Separation anxiety: international responses to ethno-separatist claims // *Yale Journal of International Law* – 1998. – Vol. 23. – p. 65.

народов составляет одно из позитивных направлений на пути к международно-правовому обеспечению коллективных прав человека. С другой стороны, подобные подходы международного содружества лишь частично заполняют пробелы в правовом регулировании реализации сецессии. Вне поля зрения международно-правового регулирования остается, например, явление множественной сецессии. Угрожающий характер представляет множественная сецессия, которая проявляется в действиях направленных на выход из состава государственной территории, что происходят в пределах одной административно-территориальной единицы государства (например, Катанга и Бабула на территории Конго)¹⁷.

Таким образом, в системе современных международных отношений выразительно прослеживаются закономерности развития принципа равноправия и самоопределения народов. Правовое регулирование ситуаций, связанных с реализацией сецессии, сегодня предусматривает использование как международных механизмов (специальные международные органы), так и внутригосударственных механизмов (решения национальных судебных органов). Поэтому отношения, которые возникают в процессе реализации сецессии как внешней формы принципа равноправия и самоопределения народов носят смешанный характер и находятся на стыке международного и национального права. В связи с этим на практике возникают коллизии в правовом регулировании, что негативно отражаются на процессе обеспечения верховенства права в международных отношениях.

Сегодня происходит постепенная институционализация международно-правовых критериев сецессии, которые легитимизируют выход административно-территориальных единиц из состава государственной территории. Среди таких международно-правовых критериев сецессии поддержку со стороны международного содружества получили взаимное согласие сторон, закрепления сецессии на законодательном уровне, аннексия территории. Вполне очевидно, что подобные тенденции развития принципа равноправия и самоопределения народов составляют не только основные векторы его развития, но и программируют последующую динамику развития всей системы международного права.

---

¹⁷ Eastwood L. Secession: state practice and international law after the dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia // *Duke Journal of Comparative and International Law*. – 1992-1993. – Vol. 3. – p. 304-306; Grant T. Extending decolonization: how the United Nations might have addressed Kosovo // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. – 1999-2000. – Vol. 28. – p. 26.

Следовательно, в связи с этим международному содружеству целесообразно пересмотреть существующую систему основных принципов международного права не только в части увеличения их количества, но и также – уточнения нормативного содержания принципов с учетом современных требований времени.

Библиографический список.

Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – СПб: Юридический центр пресс, 2005. – 769 с.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. – Изд. 3-е, перераб., и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

Международное право. Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М.: Омега-Л, 2006. – 832 с.

Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2001. – 720 с.

Оніщенко Н.М. Юридична відповідальність держави перед особою // Проблеми реалізації прав і свобод людини і громадянина в Україні. За ред. Н.М. Оніщенко, О.В. Зайчука. – К.: Юридична думка, 2007. – с. 90-123.

Черниченко С.В. Теория международного права. Том II. Старые и новые теоретические проблемы. – М.: НИМП, 1999. – 340 с.

Antonopoulos C. The principle of uti possidetis in contemporary international law // *Revue Hellenique de droit International*. – 1996. – Vol. 49. – p. 29-88.

Brietzke P. Self-determination or jurisprudential confusion: exacerbating political conflict // *Wisconsin International Law Journal*. – 1995-1996. – Vol. 14. – p. 69-132.

Brilmayer L. Secession and self-determination: a territorial interpretation // *Yale Journal of International Law*. – 1991. – Vol. 16. – p. 177-202.

Cassese A. *International Law*. Second Edition. Oxford University Press, 2005. – 558 p.

Eastwood L. Secession: state practice and international law after the dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia // *Duke Journal of Comparative and International Law*. – 1992-1993. – Vol. 3. – p. 299-350.

Ewald G. The kurd's right to secede under international law: self-determination prevails over political manipulation // *Denver Journal of International Law and Policy*. – 1993-1994. – Vol. 22. – p. 375-408.

Grant T. Extending decolonization: how the United Nations might have addressed Kosovo // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. – 1999-2000. – Vol. 28. – p. 9-54.

Grant T. A panel of experts on Chechnya: purposes and prospects in light of international law // *Virginia Journal of International Law*. – 1999-2000. – Vol. 40. – p. 115-191.

Greene M., Stoll C. Self-determination as a foreign policy principle: United States policy toward former Soviet Union // *Harvard Human Rights Journal*. – 1992. – Vol. 5. – p. 163-173.

Himmer S. The achievement of independence in the baltic states and its justifications // *Emory International Law Review*. – 1992. – Vol. 6. – p. 253-291.

Lloyd D. Succession, secession and state membership in the United Nations // *New York University Journal of International Law and Politics*. – 1993-1994. – Vol. 26. – p. 761-796.

MacMillan K. Secession Perspectives and the Independence of Quebec // *Tulane Journal of International and Comparative Law*. – 1999. – Vol. 7. – p. 333-366.

McGee R. The theory of secession and emerging democracies // *Stanford Journal of International Law*. – 1991-1992. – Vol. 28. – p. 451-476.

Nanda V. Self-determination and secession under international law // *Denver Journal of International Law and Policy*. – 2003. – Vol. 29. – p. 305-326.

Orentlicher D. Separation anxiety: international responses to ethno-separatist claims // *Yale Journal of International Law* – 1998. – Vol. 23. – p. 1-78.

Pienkos J. *Prawo międzynarodowe publiczne*. – Zakamycze, 2004. – 792 s.

Powers G. Testing the moral limits of self-determination: Northern Ireland and Croatia // *Fletcher Forum of World Affairs*. – 1992. – Vol. 16. – p. 29-50.

Rich R. Recognition of states: The collapse of Yugoslavia and Soviet Union // *European Journal of International Law*. – 1993. – Vol. 4. – p. 36-65.

Williams P. Creating International Space for Taiwan: the law and politics of recognition // *New England Law Review*. – 1997-1998. – Vol. 32. – p. 801-804.

Topical Issues of Realization of the Principle of Self-determination of Peoples and Supremacy of Law in International Relations (Summary)

Taras S. Tsymbriivskyy*

The article is devoted to the issues of the contemporary realization of the principle of self-determination of peoples in international law. In this relation the research outlines that this principle belongs to one of the most contradictory principles of international law and on this ground in practice the realization of the principle requires clear legal regulation. Both modern doctrine developments of the principle of self-determination of peoples and practice of international law in this area are examined in the article. As an outcome of the scientific research the author drew a conclusion that today is taking place a gradual institutionalization of international legal criteria of secession which legalize the separation of administrative-territorial units from the state territory.

Keywords: principle of self-determination of peoples; state territory; system of international law principles.

---

* Taras S. Tsymbriivskyy – Ph.D. in International law, senior lecturer of the Department of constitutional and international law, Lwiw State University of Internal Affairs (Ukraine). tsymbr@gmail.com.